

Константин Станюкович

Истинно русский человек

Константин Станюкович
Истинно русский человек

«Public Domain»

1890

Станюкович К. М.

Истинно русский человек / К. М. Станюкович — «Public Domain», 1890

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Константин Михайлович Станюкович ИСТИННО РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

I

Я знал Аркадия Николаевича Орешникова еще в те времена (в конце шестидесятых годов), когда он и не думал с азартом бить кулаком по своей здоровой, выпяченной груди, называя себя истинно русским человеком, – не находил еще, что «наша матушка Россия всему свету голова» и имеет исторически провиденциальную миссию ничем не походить на изолгавшийся, развращенный «говорильнями», прогнивший Запад, – не выражал желания подтянуть «зазнавшуюся чухну» и на веки вечные изгнать «низкого жида» из пределов империи, – просвещения не отрицал и, с чужих слов, не повторял о настоятельной необходимости восстановить телесные наказания для подъема нравственности и вообще добрых начал, заметно оскудевающих.

В те отдаленные времена, когда я познакомился с Аркадием Николаевичем, он, разумеется, ни о чем подобном не мог бы и подумать, а не то что громогласно говорить, да еще с ноздревской развязностью, глядя вам прямо и нагло в глаза и словно бы думая про себя:

«Я и не то еще могу выпалить!»

Тогда столь же откровенно повторял иные речи и перепевал иные песни этот «просто русский», в ту пору молодой человек, окончивший курс со степенью действительного студента, благополучно служивший помощником столоначальника в каком-то департаменте и пописывавший по временам резвые, либеральные статейки в газетах, отчасти для славы среди сослуживцев и среди знакомых барышень, отчасти для покупки в более изобильном количестве перчаток и галстуков и для более частого посещения опереток и трактира Палкина ¹.

---

¹ Трактир Палкина – располагался на Невском проспекте.

II

Аркадий Орешников в то время был довольно видный, среднего роста, плотный, широкоплечий блондин с маленькими, разбегающимися по сторонам, карими глазками, редкими рыжеватыми волосами, крикливым тенорком и толстыми алыми губами, которыми он имел привычку, сохраненную и поныне, быстро поводить, выражая этим свое удовольствие. Лицо у него было довольно ординарное и без особой «печати мысли» на начинавшем лысеть челе: кругловатое, с мясистыми щеками и толстым носом, но зато свежее, румяное и беззаботно веселое.

Сам Орешников, по-видимому, был более чем лестного мнения насчет своей физиономии, любил заниматься собой, не жалея одеколона, считал себя пленительным мужчиной и действительно пользовался успехом у горничных и у швеек...

Хвастая своими любовными успехами и рассказывая об интриге, героиней которой бывала какая-нибудь простодушная Даша или Матреша, Аркадий Орешников значительно давал понять, что героиня романа – дама из общества, без памяти в него влюбленная, назвать которую он, как порядочный человек, разумеется, не может.

Он был не глуп, но и не особенно умен, что называется, без царя в голове, но достаточно переимчив и сметлив в житейских делах. Недостаток основательных знаний он и в молодости с успехом заменял чисто славянской отвагой трактовать о каких вам угодно предметах, не моргнувши глазом. Впрочем, он и не очень обижался, когда его останавливали, замечая, что он несет околесную. Он только как-то меланхолически глядел куда-то в пространство, но через четверть часа уже снова готов был говорить с прежней развязностью и о коннозаводстве, и о философии Канта².

Всегда поклонявшийся какому-нибудь доморощенному божку, при котором играл роль адъютанта, Орешников так же быстро развенчивал своего божка, находя нового, как быстро и создавал себе идола, перед которым обыкновенно раболепствовал.

Юркий, не без лукавства и в то же время легкомысленный поклонник всякого успеха, тщеславный и бесхарактерный, никогда серьезно ни во что не вдумывавшийся и не имевший правил, а одни лишь инстинкты, мягкий и добродушный, когда дело не касалось собственной шкуры, прирожденный, так сказать, оппортунист, Орешников был одним из тех людей, гибких, податливых и не имеющих никакого определенного идеала, – людей без резко выраженной индивидуальности, которые повсюду составляют так называемую «улицу».

---

² Кант, Иммануил (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкого классического идеализма.

III

Само собой разумеется, что в ту пору двадцатипятилетний Орешников называл себя либералом. Правда, он и тогда не одобрял крайностей, тем более, что за них можно было иметь неприятности по службе, и повторял вслед за другими, что наше время – не время широких задач. Хотя он и не отдавал себе отчета, почему это так, но чувствовал, что так надо говорить, и говорил.

Тем не менее он горячо порицал некоторые явления русской жизни того времени, восхищался, даже через меру, Западом, умеренно желал продолжения реформ и страстно – увеличения окладов чиновникам, почитывал журналы и бывшие в моде книжки, восторгался новыми судами и земством, проповедовал о женских правах на высшее образование и изредка даже, после веселого ужина в интимном кружке, таинственно намекал, озираясь вокруг, на своевременность «правового порядка», одним словом, повторял все то, о чем в то время говорили.

Орешников, кроме того, любил щегольнуть не только либеральным образом мыслей, но и цивическими ³ добродетелями и нередко в курительной комнате хвастал перед департаментскими товарищами, что он, при случае, даже не спустит самому начальнику отделения, но в действительности он был жесточайший трус, боявшийся всякого начальства даже более, чем требовалось по времени. Он, конечно, с негодованием отрицал свою трусость, когда кто-нибудь уличал его, и объяснял ее благоразумной осторожностью. Но однажды, в минуту полупьяной откровенности, он сознался, что в нем храбрости мало, тут же залился слезами, называя себя почему-то свиньей, и прибавил, что это у него качество, верно, унаследованное. Пожалуй, он до известной степени был прав. Все его предки, многочисленные Орешниковы, из захудалых, малоземельных дворян, служили чиновниками, и каждый из них всю свою жизнь более или менее провел в страхе и перед начальством, и перед возможностью, того и гляди, попасть под суд за лихоимство, впрочем, довольно умеренное, ибо Орешниковы были осторожны, да и особенно теплых мест не занимали.

Перед барышнями Аркадий Орешников драпировался в мантию цивического героя и врал, что называется, несосветимо. На журфиксах ⁴ у матери своей, вдовы статского советника, Феозы Андреевны, он, бывало, так либеральничал, рисовал такие перспективы отдаленного будущего, главнейшим образом о формах свободного брака, что почтенная старушка Феоза Андреевна, всю свою жизнь проводившая в чистке квартиры с метелкой в руках и в заботах жить, как «люди живут», – покачивала в ужасе головой и укоризненно замечала:

– Аркаша... Аркаша! Опомнись!

Но Аркаша и в ус не дул, продолжая открывать широкие горизонты будущего человеческого устройства и невозможно перевирая вскользь прочитанные им статьи.

Свою маменьку он считал отсталой женщиной.

И старушка, жившая с зрелой дочерью Аглаей на маленький пенсioen и проценты с скромного капиталыца, составленного покойным мужем при помощи разных негласных оборотцев с казенными деньгами, во время его долгого служения экзекутором департамента, не раз в то время говорила сыну:

– Ой, Аркадий... С такими понятиями можно и место потерять.

– А наплевать! – хорохорился Аркадий.

– Это как же?

– А так же...

---

³ *Цивические.* – Цивизм – гражданские чувства.

⁴ *Журфикс* – постоянные дни для приема гостей (*франц.*).

Феоза Андреевна в страхе, бывало, только крестилась, воображая, что Аркаша и в самом деле удерет какую-нибудь штуку, лишится должности и очутится у нее на шее.

Но давнишний ее знакомый и приятель покойного мужа, старый матерый департаментский «юс»⁵, Иван Иванович Затыкин, бессменный архивариус, переменивший пятнадцать господ директоров, выдавший виды и понимавший людей, обыкновенно успокаивал огорчавшуюся старушку. Со спокойствием чиновника-философа, давно бросившего мечты о повышении и черпавшего свою философию из департаментского архива и из наблюдений над сослуживцами, он говорил ей:

– Не сокрушайтесь, почтеннейшая Феоза Андреевна, за своего Аркашу. Право, не сокрушайтесь.

– Как же не сокрушаться, Иван Иванович: он иногда такое говорит.

– А пусть себе говорит! Нонче, сударыня, все такое говорят. Сами его превосходительство, господин директор департамента, и тот курьера на «вы» называет... Мода такая-с... Ваш Аркаша выболтается и, по времени, по-иному заговорит... А времена, Феоза Андреевна, переменчивы! – многозначительно прибавлял старик, лукаво подмигивая своим выцветшим, но все еще зорким глазом.

– А пока что, как вдруг да Аркаша места лишится?

– Места? За место-то ваш Аркаша зубами держится, будьте покойны, Феоза Андреевна. Недаром Аркадий Николаич из Орешниковской породы... Начальство им довольно, а это, сударыня, как вам известно, главное дело на службе... Ну, и чиновник он ничего себе, исправный... И перо есть... Умеет всякую бумажку, как следует, изобразить. Того и гляди, при вакансии, сделают вашего Аркашу столоначальником, в добрый час будь сказано!

Статская советница успокаивалась за свой капиталец, предназначенный в наследство безнадежной девице Аглае, оставшейся непристроенной, и, в свою очередь, начинала расхваливать Аркашины способности и ум.

---

⁵ Департаментский «юс». – Юс – здесь в значении законник, крючкотвор (устар.).

IV

Господин Затыкин не ошибался. Орешников действительно держался за место зубами и умел отлично ладить с начальством, хотя за глаза слегка и прохаживался на его счет, фанфаронства ради. И писание статей, даже и резвых, не только не вредило тогда по службе (особенно, если статейки не касались ведомства, где служил автор), а, напротив, обращало на автора иногда лестное внимание.

Таким образом Аркадию Николаевичу литература даже помогала на первых порах его житейской карьеры, а он, неблагодарный, впоследствии так бранил эту самую литературу!

Благодаря его же собственной хвастливой болтливости, весь департамент скоро узнал, что помощник столоначальника Орешников «пишет в газетах». Это придало некоторый престиж молодому чиновнику в глазах сослуживцев. Прочли, что он пишет, и одобрили. Довольно бойко и в то же время без резкостей и в умеренном тоне. Начальник отделения, добрый служака из дореформенных чиновников, стал подавать Орешникову руку. Молва об авторстве помощника столоначальника дошла и до самого директора, который, благодаря этому обстоятельству, впервые узнал о существовании такого чиновника и однажды потребовал его к себе.

Появление курьера с известием, что генерал просит господина Орешникова, произвело в отделении большую сенсацию. Все завистливо недоумевали. Мнительный и болезненный столоначальник, во всем подозревавший интригу против себя, бросил испытующе злой взгляд на своего помощника. Начальник отделения обиженно нахмурился и за то, что помимо его требуют чиновника его отделения, и за то, что он не знал причины этого приглашения. Сам Орешников жестоко струсил и вспомнил, как вчера позволил себе пройти насчет господина директора. Он старался скрыть свой испуг под видом напускного равнодушия, однако заметно побледнел, ощутил внезапную боль в пояснице и дрожащей рукой оправлял прическу и галстук перед входом в кабинет директора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.